

М.Я. Блох, Н.А. Резникова

СРЕДСТВА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Томский государственный педагогический университет

Политическая риторика занимает одно из самых важных мест в современном мире и имеет большое значение для устройства, управления, развития и функционирования отдельной страны. Особую значимость и интерес приобретает политическое красноречие в нашей стране, что связано с изменениями в политической системе – переходом от тоталитаризма к демократии, внедрением выборов на местных и федеральных уровнях, избранием депутатов и президента, развитием плюрализма. Политики попадают в жесткие условия конкуренции. Победа в процессе борьбы за власть зависит зачастую от умения политика выиграть поединок в красноречии, т.е. от его таланта оказать посредством выступления желаемое воздействие, привлечь на свою сторону как можно больше электората, который в конечном итоге проголосует за него, обеспечив тем самым его успех и популярность.

Велика роль политической коммуникации в развитии экономических, политических, культурных взаимоотношений всего мирового сообщества. Политическая риторика способна налаживать и поддерживать дружеские отношения между теми или иными странами. Вместе с тем выступления политиков обладают такой силой, что могут влиять на возникновение конфликтов между государствами и их разрешение либо мирным путем, либо с использованием военной силы. В целом по политической коммуникации можно судить и предполагать о возможных стадиях, приоритетах и направлениях в развитии межгосударственных, межконтинентальных и мировых отношений.

Вполне закономерно, что такой значимый аспект жизни современного мира привлекает науку и ученых из разных областей знаний, становится крайне актуальным для всевозможных исследований. Изучение способов воздействия, используемых в политических выступлениях, является одним из направлений исследования данного вида коммуникации.

Воздействующая функция признается как основная функция политических выступлений многими лингвистическими дисциплинами: риторикой, функциональной стилистикой, лингвопрагматикой, психолингвистикой, социальной лингвистикой и др. Политическое выступление направлено на оказание идеологического воздействия, на формирование определенного отношения к тем или иным реалиям политической жизни. Воздействие носит многоплановый характер и может быть рациональ-

ным и эмоциональным. Наиболее эффективным считается воздействие, сочетающее в себе элементы рационального и эмоционального. Однако большую значимость для массовой аудитории приобретает эмоциональное выступление, способное «разжечь пламя» в душах слушателей, увлечь и повести за собой.

Выражение эмоций в языке связывают с репрезентацией языковых категорий эмотивности и экспрессивности. Сущность, семантика данных категорий, а также их соотношение понимаются в лингвистической литературе неоднозначно. В данной работе эмотивность понимается как часть высказывания, соответствующая самовыражению говорящего и отражающая его впечатления, чувства, оценки. Экспрессивность заключается в усилении впечатляющей силы высказывания в соответствии с планируемым целенаправленным воздействием на адресата [1, с. 65].

Политическая речь, как любой текст, состоит из элементарных тематических единиц – диктем. К функциям диктемы относятся номинация, предикация, тематизация и стилизация [2, с. 123]. В лингвистическом аспекте успех воздействия ораторской речи определяется ее стилистической характеристикой, складывающейся из стилистического аспекта составляющих речь диктем. Эффект стилизации реализуется посредством импрессивной и эмотивной рубрик информации, выдвигаемых в политическом красноречии на первый план и создаваемых при помощи эмотивов и экспрессивов разных уровней языка.

Эмотивность и экспрессивность политических выступлений проявляются, несомненно, на лексическом уровне. Политика как одна из наиболее важных сфер человеческой деятельности характеризуется наличием специального словаря. Словарный состав политических выступлений можно условно разделить на две группы. Первую группу составляет собственно политическая лексика. Ко второй группе относится общеупотребительная лексика, рассмотренная в данной работе на примере эмотивной лексики.

Политическая лексика служит основанием для выделения языка политики. В структуре политического языка можно выделить политические термины, идеологемы, социологемы и ярлыки. Данные единицы политического языка образуют, прежде всего, социостилевую рубрику информации, отра-

жающую функциональный стиль текста. Кроме того, передавая разного рода реалии, данная группа лексики создает фактуальную информацию специального типа. В пределах предложения или диктеты политическая лексика способна формировать эмотивную и импрессивную рубрики информации и являться одним из аспектов эмоционального воздействия.

Например, лексема *political settlement* (политическая система общества) как термин представляет собой «целостную, упорядоченную совокупность политических институтов, политических ролей, отношений, процессов, принципов политической организации общества, подчиненных кодексу политических, социальных, юридических, идеологических, культурных норм ... конкретного общества...» [3, с. 273]. В следующем отрывке из выступления британского премьер-министра Тони Блэра употребление термина *political settlement* не охватывает в полном объеме то терминологическое понимание, озвученное выше, и сопровождается эмотивно-экспрессивными коннотациями благодаря использованию в одном предложении метафоры *slippery slope*. Тем самым открыто и резко высказывается позиция автора, заключающаяся в том, что политический процесс объединения Ирландии не может быть скорым и необдуманным:

A political settlement is not a *slippery slope* to a united Ireland (T. Blair, 16 May 1997).

В политической коммуникации важнейшую роль играет оценочность. Как правило, политические выступления направлены не на передачу фактов, сведений, некой информации, а на передачу оценки. Ярko выраженная негативная оценочность присутствует в семантической структуре «ярлыков», занимающих промежуточное положение между собственно политической лексикой и лексикой общеупотребительной. «Ярлык» выделяет типичные качества лидеров ведущих партий и закрепляет их за политиками. Слова-ярлыки служат цели дискредитации политического противника, умаления его значимости и заслуг.

Обилие и разнообразие в употреблении слов-ярлыков чаще наблюдаются в случаях политического накала, обострения политических проблем, возникновения кризисных ситуаций. Современные требования политкорректности, получившей большое распространение в условиях американской и британской политической коммуникации, удерживают политических деятелей Америки и Великобритании от частой, резкой и не всегда обоснованной критики своих политических противников.

Тем не менее нельзя сказать, что политическая риторика Запада полностью лишена такого явления, как навешивание ярлыков. Отсутствие безграничного потока негативных прозвищ, наименова-

ний приводит к тому, что те немногочисленные ярлыки, все-таки встречающиеся в выступлениях политиков, не могут остаться незамеченными для публики. В следующем примере ярлык *fat cat* обвиняет соратников Джорджа Буша в бездейственности:

So when I hear George Bush and his *fat cat* Republican friends say they're building us a conservative, opportunity society, I've got a one word response... BULL! (Senator Tom Harkin of Iowa, 9 March 1992).

Оценочность политических выступлений приводит также к тому, что политическая лексика, являясь, главным образом, безоценочной, не содержащей коннотацию оценки в семантической структуре, приобретает оценочный компонент в определенном политическом контексте. Так, термин *doctrine* используется политическими деятелями:

1) с относительно нейтральной оценкой:

We've upheld the *doctrine* that said if you harbor a terrorist, you're equally as guilty as the terrorist (G. Bush, 30 September, 2004 The First Bush – Kerry Presidential Debate);

2) с ярко выраженной положительной оценкой, где положительный знак оценки обусловлен тем, что слово *doctrine* определено в рассматриваемом примере словосочетанием *values we believe in*:

My basic argument is that in today's interdependent world, we need an integrated approach, a *doctrine* of international community as I put it before, based on the values we believe in (T. Blair, 7 April 2002);

3) с ярко выраженной отрицательной оценкой, возникающей в следующем контексте под влиянием глагола *mire* в метафорически производном значении *завязнуть, быть втянутым*, что определяет пейоративность рассматриваемой политемы:

Too many of the planners who designed today's defense policies are still mired in the post-Vietnam *doctrine* of only fighting "big wars" against strong hostile states, not wars in and against "failed states" in which enemy armies are the least of our problems (J. Kerry, 29 July 2004).

Таким образом, политическая лексика, формируя, прежде всего, информацию социостилевую и фактуальную специального типа, создает в политических выступлениях эмотивную и импрессивную рубрики информации.

Эмотивная лексика, принадлежащая к составу общеупотребительной, также является одним из аспектов эмоционального воздействия политических выступлений. К эмотивной лексике относятся слова, имеющие в своем значении сему эмотивности. Существуют споры по вопросу места семы эмотивности в структуре лексического значения. При классификации эмотивов мы исходим из того, что сема эмотивности может содержаться в денотативном макрокомпоненте при отражении эмоций как

объективно существующей реальности. Эмотивный микрокомпонент может также являться частью коннотативного макрокомпонента и содержаться у слов дополнительно к денотативному значению, а может возникать у слов в определенном контексте. В связи с этим возможно выделение следующих групп эмотивов: эмотивы-номинативы, эмотивы-ассоциативы, эмотивы-экспрессивы и окказиональные эмотивы.

К эмотивам-номинативам относится лексика, непосредственно называющая эмоции. К данной группе принадлежат такие слова, как: *scorn, frustration, despair, faith, inspiration, wonder, horror, revulsion, sympathy, pity, anger, fear, joy* и другие, а также соответствующие им глаголы, прилагательные и наречия:

You know, one thing I've learned about peace processes: They're always *frustrating*, they're often *agonizing*, and occasionally they seem *hopeless*. But for all that, having a peace process is better than not having one (Т. Blair, 17 July 2003).

В.И. Шаховский не относит эмотивы-номинативы к эмотивной лексике. Называя такие слова терминами эмоций, ученый говорит, что у них «совершенно иная функция – номинативная, по сравнению с эмотивами, выражающими эмоциональное состояние» [4, с. 92]. Однако такой подход представляется не совсем оправданным. Выявление истинной картины лексических средств, отображающих различные эмоциональные состояния, возможно лишь с учетом лексики, называющей эмоции. Несомненно, следует принимать во внимание различие природы эмотивной заряженности слов, называющих эмоции, и слов, выражающих эмоции. Тем не менее эмотивы-номинативы, как и другие группы эмотивной лексики, участвуют в отображении (обозначении или выражении) эмоций человека (говорящего, слушающего или какого-либо другого лица) [5, с. 12–13]. Кроме того, эмотивы-номинативы отображают и называют эмоции разные по интенсивности и особенностям их протекания и, следовательно, отличаются друг от друга своим эмотивным потенциалом.

Например, лексема *cherish* в значении “*to love someone or something very much and take care of them well*” [6, с. 254] является эмотивом-номинативом, называющим эмоциональное состояние любовь, подтверждением чему служит сема “*love*”. Выделение из дефиниции семы “*very much*” свидетельствует о том, что глагол *to cherish* обозначает чувство более глубокое и интенсивное, нежели глагол *to love*:

For America is a dream every child must *cherish*, a promise every generation must keep, a legacy we must leave to our children and our grandchildren (В. Clinton, 4 June 1992).

Следующая группа эмотивов, выделенная в процессе анализа политических выступлений, может быть названа эмотивами-ассоциативами. В словарных дефинициях таких слов нет прямого указания на чувства или эмоции. Данные лексеммы содержат, как правило, скрытую сему эмотивности, которая может быть обнаружена с помощью метода компонентного анализа или путем сравнения интересующего нас слова с его синонимами. Денотаты таких слов могут вовсе не содержать эмоциональный компонент в своем значении, однако их эмоциональность связана с реакциями, ассоциациями, возникающими и затрагивающими как лично говорящего, так и слушающего. Часто существование таких ассоциаций обусловлено культурными традициями общества. К эмотивам-ассоциативам можно отнести такие лексеммы, как: *hero, patriot, crisis, generosity, confidence, success, opportunity, dreams, poverty, scourge, lies, deception, menace, ravages* и пр.

Особенностью эмотивов-экспрессивов является двунаправленность процесса номинации: вовнутрь (самовыражение говорящего) и в окружающий мир (его эмоциональная оценка). Таким образом, одна лексема обозначает объект номинации (эмоции говорящего) и выражает эмоциональное отношение говорящего к предмету номинации, следовательно, реализуется эмоциональное отношение говорящего к действительности [5, с. 53–61]. К данной лексической группе мы отнесли, прежде всего, часть лексики, реализующей производные значения:

Основное значение глагола *mire* – *to cause to stick fast in mire* (завязнуть в грязи, трясине). Метафорически производное значение – *погрязнуть в проблемах, заботах* – реализуется в следующем предложении:

Nearly sixty years ago, in a famous speech to the Commonwealth Club in the final months of his 1932 campaign, Franklin Roosevelt outlined a new compact that gave hope to a nation *mired* in the Great Depression (В. Clinton, 23 October 1991).

К эмотивам-экспрессивам мы также относим слова, выражающие эмоциональную оценку. Например, прилагательные *wonderful, sterling, excellent* отражают эмоционально позитивное отношение оратора к затрагиваемым аспектам:

We saw some *wonderful* enterprises there that have been funded by DFID: a particular bridge was *sterling*, and some work in relation to agriculture was *excellent*, but much more could be done in a strategic way (Dr. Gibson, 17 March 2005 Westminster Hall).

Анализ эмотивной лексики в функциональном плане позволил нам выделить группу эмотивов нейтральных в языке, не имеющих узואльно закрепленной эмотивной коннотации, но эксплицирующих таковую в составе диктемы.

Влияние экстралингвистически-социальных факторов в совокупности с языковыми приводят к появлению речевых эмотивно-экспрессивных коннотаций у глагола *work* в следующем отрывке из выступления американского политика Джона Керри:

And here at home, wages are falling, health care costs are rising, and our great middle class is shrinking. People are *working* weekends; they are *working* two jobs, three jobs, and they're still not getting ahead (J. Kerry, 29 July 2004).

Среди лингвистических средств, порождающих окказиональную эмотивность, мы выделяем: антитезу *falling – rising; shrinking – getting ahead*; эмотив-экспрессив, выражающий мелиоративную эмоционально-экспрессивную оценку *great*; перифраз *get ahead*, заменяющий фразу *make progress*; повтор существительного *jobs*; и, наконец, повтор рассматриваемого нами глагола *work*. К экстралингвистическим факторам в данном случае мы относим межкультурные особенности того народа, представители которого участвуют в коммуникативном процессе, т.е. американцев. Согласно В.В. Кочеткову, изучающему межкультурные различия ряда национальностей, в американском обществе поощряется трудолюбие. Однако, как правило, в Америке человек работает только в одном месте [7, с. 362]. Упоминание Джоном Керри о том, что средний класс вынужден работать одновременно в нескольких местах, направлено на внушение отрицательного отношения к данному факту, что в конечном итоге оказывает дополнительное влияние на появление эмотивно-оценочных и экспрессивных элементов у глагола *work*.

Мы обнаружили, что диктемы политических выступлений могут содержать сразу несколько видов эмотивов, в результате чего образуется высоко экспрессивная стилизация диктемы. Такой процесс наблюдается в следующем примере, где происходит скопление большого количества эмотивной лексики, относимой нами к разным группам:

It was September 11 that brought these thoughts into sharper focus. Watching the horror unfold, imagining the almost unimaginable suffering of the thousands of innocent victims of the terror and carnage, the dominant emotion after the obvious feelings of revulsion, sympathy and anger, was determination (T. Blair, 7 April 2002).

В пределах анализируемой диктемы мы выделяем, прежде всего, эмотивы-номинативы *horror, emotion, feeling, revulsion, sympathy, anger*; эмотивы-ассоциативы *suffering, innocent victims, terror, carnage, determination*; эмотивы-экспрессивы *sharp, unfold*. Кроме того, диктема содержит такие стилистические средства, как метонимия *September 11*, вызывающая ассоциативные эмоциональные реакции в связи с событиями, произошедшими в это время,

морфологический повтор корня *imagining – unimaginable*, усилительно-выделительная конструкция *it was...that*, а также грамматический разрыв в построении предложения – анаколуп. Все эти средства, собранные в границах одной диктемы, способны оказать огромное эмоциональное воздействие на аудиторию.

Другим не менее важным аспектом эмоционального воздействия являются тропеические и аранжировочные средства. Политические деятели, как правило, хорошо владеют стилистическими ресурсами языка.

Метафоры, построенные даже по привычным моделям, могут придавать политической речи эмотивность и экспрессивность. Это происходит в том случае, когда политик употребляет развернутую метафору, либо в одном предложении или диктеме присутствует сразу несколько метафорических пропозиций или ряд стилистических приемов помимо метафоры. Высокая плотность эмотивов и экспрессивов в виде ряда расположенных параллельно метафорических пропозиций «политические процессы – это путь, дорога», «прошлое находится позади», эмотива-номинатива *hope*, эмотивов-ассоциативов *will, consent, grievances*, идеологем *peace, normality, prosperity*, эмотивов-экспрессивов, реализующих метафорически производные значения, *pitfalls; surrounded by grievances; hope falters; deep thirst of the people* придают следующей диктеме высоко стилистический статус:

Our destination is clear: to see in place a fair political settlement in Northern Ireland – one that lasts, because it is based on the will and consent of the people here. It is a long march, and every footstep has its pitfalls. But where there is movement, hope falters and we are left surrounded by the ancient grievances returning to destroy us. I am convinced that the time is right finally to put the past behind us and meet the deep thirst of the people of Northern Ireland for peace, normality and prosperity (T. Blair, 16 May 1997).

Наиболее продуктивными моделями метонимических переносов в политических выступлениях являются: «организация – члены организации; учреждение – те, кто работают в учреждении», «место/резиденция правительства/администрации – правительство/администрация», «континент – страны, расположенные на континенте», «дата – событие, произошедшее в это время», «глава правительства – его подчиненные».

Созданию экспрессии метонимии способствует расположение в пределах одного предложения или диктемы других тропеических и аранжировочных выразительных средств, либо эмотивно-оценочной и экспрессивной лексики. Например, метонимия *world* в значении «сильные, влиятельные государства совместно с метафорой *turns its gaze, focuses and*

decides to help, the gaze moves on придает стилистическим приемам и диктате в целом особую экспрессию и выразительность:

But it's amazing how much can be done when the world turns its gaze on to a problem, focuses and decides to help, even if the gaze then moves on (T. Blair, 7 April 2002).

Явления и реалии политики сопоставляются политиками с понятиями, предметами других сфер жизнедеятельности. Это происходит посредством стилистического приема – сравнения. Признак сравнения, прямо называющийся либо имплицитно присутствующий, указывает на эмоционально-оценочное отношение оратора к затрагиваемым аспектам. Знак оценки может быть обусловлен коннотатом или денотатом лексемы, лежащей в основе выразительного средства. Так, существительное *contagion* “a situation in which a disease is spread by people touching each other” [6, с. 335] имеет отрицательную оценочность, поскольку любая болезнь, а тем более инфекционная, затрагивает большое количество населения и уносит жизни людей. В связи с этим можно утверждать, что следующий пример характеризует негативное отношение оратора:

Our new world rests on order. The danger is disorder. And in today's world, it can now spread like contagion (T. Blair, 17 July 2003).

Характерной особенностью перифраза в политическом дискурсе является то, что он используется для обозначения всевозможных политических реалий. Так, перифрастической замене подвергается существительное *elections*:

We are so fortunate, each and every of us, to be citizens of this great nation and to take part in *the defining event of our democracy* (Vice President Cheney 1 September 2004).

Политема *democracy* передается с помощью других политем:

After defeating enemies, we did not leave behind occupying armies, we left *constitutions and parliaments* (G. Bush, 1 March 2003).

Идеологема *American Dream* была обозначена президентом Америки Биллом Клинтоном как *the basic contract of American life*:

I learned the American Dream and I lived the American Dream as child growing in Arkansas... I learned from my grandparents *the basic contract of American life* that if you work hard and play by the rules, you will be rewarded. That promise has come true for me beyond my wildest dreams (B. Clinton, 4 June 1992).

Понятие *multinational country* премьер-министр Великобритании Тони Блэр представил путем перифраза:

What makes America great is not its GDP alone or its military might. It is its freedom, its enterprise, its

rejoicing in its different colours and cultures, the fact that someone of humble beginnings can aspire, work hard, succeed and be applauded for their success. And can disagree (T. Blair, 7 April 2002).

При этом все перечисленные перифрастические выражения в отличие от традиционного наименования обладают более сильными экспрессивными возможностями и отражают субъективную оценку оратора.

Риторический вопрос является сильным средством экспрессивного синтаксиса. Данный прием активизирует внимание аудитории, усиливает впечатление, повышает восприимчивость слушающего. Очень удачным с точки зрения эмоционального воздействия можно считать часть выступления Джона Керри, построенного на лексико-синтаксическом повторении риторических вопросов и включающего эмотивы и экспрессивы разных уровней: эмотивы-номинативы *hope* и *hatred*; эмотив-ассоциатив *bigotry*; эмотив-экспрессив *breakthrough*; идеологема *American dream*; метафоры *we can unleash the wonders of discovery*; *steal the hope and future*. В целом данные риторические вопросы представляют собой часть предвыборной программы, где кандидат в президенты Америки на выборах 2004 г. Джон Керри в неординарной форме излагает свое видение будущего страны, что именно он тот президент, кто будет всячески поддерживать науку, медицину, обеспечит безопасность граждан, спасая их жизни:

And now it's time to ask: What if? What if we find a breakthrough to cure Parkinson's, diabetes, Alzheimer's and AIDS? What if we have a president who believes in science, so we can unleash the wonders of discovery like stem cell research to treat illness and save millions of lives? What if we do what adults should do – and make sure all our children are safe in the afternoons after school? And what if we have a leadership that's as good as the American dream – so that bigotry and hatred never again steal the hope and future of any American? (J. Kerry, 29 July 2004).

Таким образом, эмоциональное воздействие политических выступлений осуществляется благодаря использованию политиками эмотивов и экспрессивов разных уровней языка. Однако главной характерной особенностью текстов политических выступлений является не просто наличие эмотивов и экспрессивов, а их высокая плотность в пределах одной диктемы. Как правило, в одной диктате политического дискурса одновременно используются и эмотивно-экспрессивные возможности лексики, и целый ряд выразительных средств, взаимно влияющих друг на друга. В результате формируются и выходят на первый план эмотивная и импрессивная рубрики информации, выражающие эмоциональ-

но-оценочное отношение оратора и реализующие воздействие. Стилизация диктемы политического выступления получает высоко экспрессивный и эмотивный характер. Это позволяет политикам оказывать мощное эмоциональное воздействие, повелевать умами и сердцами своих слушателей.

Литература

1. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4.
2. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики: Учеб. 3-е изд., испр. М., 2002.
3. Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. М., 1993.
4. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.
5. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989.
6. Longman Dictionary of Contemporary English. Trento, 2003.
7. Кочетков В.В. Психология межкультурных различий. М., 2002.

Н.С. Жукова

ВИДЫ ПАРАДИГМ И ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКА (ОПЫТ ДИФФЕРЕНЦИРУЮЩЕГО ОПИСАНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Томский государственный педагогический университет

Тенденция к аналитизму в системе современного немецком языка неоднократно отмечалась в лингвистической литературе [1, с. 173; 2, с. 10; 3, с. 176]. Однако при изучении типологической направленности развития всей языковой системы следует учитывать эволюцию самого понятия «анализм», которое эволюционировало вместе с понятием типа языка в направлении смены критериев, отражающих одноуровневые параметры, критериями, связанными с параметрами цельносистемными [4, с. 10]. Именно при характеристике тенденций развития всей системы немецкого языка, а не отдельных ее уровней представляется целесообразным говорить о тенденции к изоляции¹ в системе современного немецкого языка. Ср.: «Невыраженность отношений между словами в самих словах есть признак изоляции, чем выше степень изоляции, тем выше аналитичность языка» [5, с. 83–84].

Эта общая тенденция к изоляции проявляется в существовании в системе современного немецкого языка конкретных явлений как внутри-, так и межуровневого характера, отражающих на синхронном срезе произошедшие и происходящие в языковой

системе изменения. К такого рода типологически релевантным изменениям относится прежде всего изменение соотношений между морфологическим и синтаксическим уровнями, а именно передача ряда функций от морфологических средств к синтаксическим². Постепенностью этого процесса объясняется существование в современном немецком языке системной избыточности (когда в системе языка существуют и морфологическая, и синтаксическая категории для выражения тех же самых значений) [7], явления синкретизма³ (когда при выражении соответствующих категориальных значений указанная системная избыточность преодолевается на морфологическом уровне в одной части микропарадигмы с сохранением ее в другой) и различных видов как глагольной, так и именной парадигмы⁴.

Цель настоящей статьи – показать типологическую значимость различных видов глагольной парадигмы современного немецкого языка. Выделение нескольких видов любой парадигмы – как глагольной, так и именной – возможно лишь при соблюдении дифференцирующего метода описания морфологических категорий.

¹ Подробно об анализе и изоляции как разнопараметровых характеристиках см. [4, с. 14–15].

² Ср. «Сравнительно-историческая грамматика индоевропейских языков дает материал для суждения о том, как в пределах флективного типа развитие аналитизма может привести к свертыванию словоизменительных грамматических категорий (падежа и рода в системе имени, лица в системе глагола)» [6, с. 38].

³ Само существование синкретичных форм объясняется, в свою очередь, постепенностью преодоления системной избыточности. Подробно о синкретизме см. [8].

⁴ О различных видах парадигмы имени прилагательного см. [9].